

А. К. Салмин

ЭТНОЛОГИЯ РЕЛИГИИ И НАРОДНЫЙ ОБРЯД

Проблематика «этнологии религии», разумеется, весьма актуальна, хотя и нова. Ныне она обретает как бы вторую жизнь и требует внимательного осмысления. В данном случае попытаемся обозначить некоторые аспекты народного обряда в контексте этнологии религии.

Парадоксально, но, постоянно собирая и изучая народные обряды, исследователи не находят им подобающего места в системе наук. Исходя из того, что обрядность изучают этнология, религиоведение, фольклористика, культурология, философия, психология, искусствоведение, астрология и оккультизм, такое положение вряд ли можно считать нормальным. С обрядом происходит то, что делается со многими фольклорными жанрами вот уже в течение последних двух веков: их помещают то в лоно классической филологии, то «забывают» в прихожей народного быта.

По мнению Ю. А. Левады¹, обрядовая система является одним из основных определяющих признаков религии.

Объясняя, что вкладывается в понятие «формы религии», С. А. Токарев² назвал ими «определенную совокупность связанных между собой верований и обрядов». В. Р. Кабо также принимает формулу «религия = верование + обряд». Религия, пишет он, это «слияние двух систем — обрядовой и системы верований», и отдает первенство обряду: «ритуал выступает первой и ведущей формой религиозного поведения»³. Преимущество обряда перед верованием просматривается и в исследованиях конкретного материала. Как в шумерский, так и в поздние периоды, в Месопотамии «религия носила преимущественно обрядово-магический характер»⁴. В данном случае обряд выступает не только как один из важных компонентов религии масс, но приравнивается к ней плюс выполняет функции идеологии. Еще более категорична исследователь обрядов и верований первобытных земледельцев Е. В. Антонова. По ее мнению, «устойчивой стороной является не религиозная доктрина, которой попросту не существует, а обрядовая практика»⁵.

Языковедами проделаны интересные наблюдения. При составлении русского семантического словаря проанализированы составляющие слова «обряд»⁶. С этой целью в дескриптор поместили 93 семантически родственные слова. Из них наиболее близкими оказались понятия: «действие» (47), «религия» и «представление» (по 22). В то же время «традиция» и «церемония» набрали только по одному баллу. В принципе, опыт семантического словаря многих языков выявил бы аналогичную картину.

Все это не оставляет сомнения, что обрядоведение должно быть помещено прежде всего в систему науки о религиях⁷.

Возникает вопрос, как строится система на данном материале. Для этого, прежде всего, необходимо самому «окунуться» в живой опыт системы. Проникнув в логику религиозно-обрядового бытия, не забывать о накоплении фактов. Затем попытаться найти последовательность, народную логику, основываясь на материалах экспедиций, архивных источников и опубликованных текстах. Несвязующие звенья следует многократно выверять, указав признаки общенациональные, локальные и стадийные (разумеется, на уровне типологии). «Наука не должна ставить под сомнение полную автономию религиозного опыта»⁸. У. Праудфут справедливо требует «объявить незаконными всякие попытки объяснить религию „извне“. Религиозные явления, опыт в том числе,— пишет он,— можно понять только „изнутри“». К сожалению, в настоящее время часты экспедиции (как правило — так называемые комплексные, состоящие из большой группы ученых

и культработников, снабженных аудиовизуальной техникой), когда собиратели и информаторы заранее делятся на две несвязуемые группы. Причем приезжие выступают в качестве агитаторов и наставников, а местным остается узкий выбор: либо смиренно выслушивать и выполнять просьбы (одеть то-то так-то, спеть то-то так-то и т. д.), либо скромно промолчать, либо не явиться по приглашению на собрание, дабы не вызвать гнев духов. Религиевед К. Йеттмар вообще отрицает понятие «объект изучения», ибо перед исследователем всегда должен стоять не объект, а партнер⁹. Поистине своевременное замечание. Лишь равное, взаимоуважительное отношение (а не тон наставника или просителя) позволит стать своим, без преувеличения родным. Этнология знает много блестящих примеров, когда «упавший с Луны» принимался в племя, род, семью, общину с соблюдением всех надлежащих церемоний и ритуалов. Как правило, такое вживание в народ получалось у исследователей-одиночек. Только при этом условии появится возможность «описать отношение к ритуалу тех, кто находится внутри данной ритуальной традиции и для кого в ритуале концентрируются высшие ценности этой традиции»¹⁰. В противном случае может получиться так: для носителя информации рассказываемое и совершаемое — жизнь в полном смысле, а для собирателя — объект исследования. Тут необходимо взвешивать и осмыслить разницу в двух позициях. В результате — непонимание, более того, отталкивание. Как ни странно, открытая пропаганда и агитация нередко дают обратные эффекты. Ведь говорится: чтобы уничтожить и шаржировать тот или иной обряд, стоит один раз показать его на сцене.

Выход один — «сосредоточиться на действии (ритуале), с тем, чтобы понять его объяснение в глазах самих верующих»¹¹.

Хотя термин «традиционные ритуалы» часто употребляется в литературе (например, традиционная религия в значении не народная, а мировая, или народный обряд как часть традиционной культуры), в контексте поставленной темы вызывает терминологическую неловкость.

Укажу в качестве примера часто употребляемые ныне словосочетания «традиционная медицина» (поликлиника и др.) и «нетрадиционная медицина» (домашняя, знахарская и т. д.). Хотя в смысловом плане, казалось бы, все должно быть наоборот. Терминологии «народная религиозно-обрядовая» в русской научной литературе соответствуют применяемые в зарубежных исследованиях словосочетания: «Folk religion», «Folk ritual», «Folk rite». Поучительной и показательной представляется дискуссия на страницах итальянского журнала «Studi di Sociologia», где один из томов полностью посвящен ценностной ориентации религии в социальном комплексе¹². Говоря о содержании понятия «народная религия», в частности, указывается на утрату религией нашей эпохи многих характеристик прошлых времен. В такой ситуации сравнительный подход в исследовании, способный указать эволюционные сближения и различия между разными контекстами, становится неизбежностью. Исследователю приходится ставить знак равенства между терминами «народный» и «сельский». Как справедливо замечает Е. В. Антонова¹³, у древних земледельцев именно низовая (домашняя, знахарская) обрядность, а не городская, сохраняет в значительной мере черты, свойственные и первобытной культуре.

Работа над первоисточниками, поиски предшественников, теоретические исследования обрядоведов и религиоведов, а также мои собственные предварительные изыскания¹⁴ позволяют с известной долей условности выделить в религиозно-обрядовом опыте чувашей три комплекса: 1) обряды, осуществляемые всей деревней или рядом поселений, 2) обряды семейно-родовые, 3) обряды, совершаемые индивидом или ради него.

Дискуссии в области религиоведения привели, как считает Эрик Шарп, к образованию двух независимых субдисциплин в рамках изучения религии — исторической и систематической¹⁵.

«Современный уровень этнографических знаний логически требует того, чтобы на первый план выдвигались проблемы сравнительно-исторического, струк-

турно-типологического и системного исследования, которые в совокупности представляют собой ключ к познанию всего конкретного многообразия многогранных и многоликих процессов этнокультурного развития во всем мире, как в прошлом, так и в настоящем»¹⁶.

В работах по систематике главное — уйти от предвзятости, суметь преодолеть давление устоявшихся штудий и авторитетов. Основной опорой должны явиться источники. Только доскональное знание исследуемого материала даст возможность построить единственно верную теорию. Перед исследователем стоит сверх-прозаическая задача: собирать и раскладывать по местам. Причем так, чтобы не нарушать естественный живой организм структуры обрядности.

Изучение культурного феномена этноса особенно важно в переходный период общества и народа. Исследования и публикации первоисточников по отдельным аспектам духовной культуры позволяют заполнить (хотя бы частично) имеющийся пробел в знании древних пластов, без чего невозможно дать подлинную картину этноса, нельзя строить исследования о современной народной культуре, а также планировать генеральную линию сохранения и развития этнических ценностей, что приобретает сегодня особую значимость.

Религиеведы питают надежду на сближение разных типов религий народов мира на принципах общечеловеческих ценностей. А выявить единую платформу призваны исследования как ранних форм — народных, «низовых» религиозных обрядов и верований, — так и мировых религий. Как подчеркивает Х. Луис, «рассмотрение религиозного опыта может оказаться точкой схождения многих подходов к религии, которые являются сегодня наиболее обещающими в плане углубления нашего понимания вечных проблем религии»¹⁷. Видимо, вопрос надо ставить несколько шире, ибо под религией в ее первичном и широком смысле понималась культура в целом — как духовная жизнь, так и материальная.

Обрядовая система — живой организм; некомпенсированное выпадение даже одного элемента из этой цепи может повлечь гибель системы в целом. Опасно то, что этот распад в первое время не замечается, общество почувствует потерю только после отмирания целого блока из системы. Подобные невосполнимые утраты непременно снизят культуру этноса в самом широком смысле. Действительно, обряд, отражая почти все стороны жизни народа на протяжении ряда эпох, является зеркалом духовности. Обрядовые действия и моления выполняли и выполняют функции социального регулятора в истории этнических объединений, родовых и семейных коллективов, индивидов. Выпадение обрядовых ценностей из культурного комплекса непременно негативно отразится на целостности этноса.

Лелею надежду, что религия во всех ее проявлениях (как «народные» формы, так и «официальные» — ибо они имеют общие корни) получит право быть объектом самостоятельной науки. Она не будет находиться на положении пасынка в разных системах (построенных различными исследователями). И это будет не взаимный компромисс богословов и религиоведов, а шаг навстречу к общим ценностям.

Примечания

¹ Левада Ю. А. Религия // Советская историческая энциклопедия. М., 1968. Т. II. Стб. 1007.

² Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1990. С. 384.

³ Кабо В. Р. Современная американская этнография и происхождение религии // Этнология в США и Канаде. М., 1989. С. 261.

⁴ Афанасьева В. К. Вавилонская идеология и культура // История Древнего Востока. М., 1963. Ч. I. С. 445.

⁵ Антонова Е. В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М., 1990. С. 7.

⁶ Бархударов С. Г. (ред.) Русский семантический словарь. М., 1983. С. 271.

⁷ О ритуале в контексте религии см. дополнительно: *Criemes R. Ritual studies // The Encyclopedia of Religion*. N. Y., L., 1987. V. 12. P. 422—425; *Zuesse E. Ritual // Ibid.* P. 405—422.

⁸ *Proudfoot W. Religious experience*. Berkeley etc., 1985. P. 235.

⁹ Йеттмар К. Религии Гиндукуша. М., 1986. С. 7.

- ¹⁰ *Топоров В. Н.* О ритуале. Введение в проблематику//Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 9.
- ¹¹ *Bohannan P.* Social anthropology. N. Y., 1963. P. 326.
- ¹² Особенно см.: *Nesti A.* La religione popolare oggi: problemi per una definizione//Studi di Sociologia. Milano, 1988. N 3—4. P. 396—401; *Prandi C.* Il «popolare»: variazioni su di un tema//Ibid. P. 401—406.
- ¹³ *Антонова Е. В.* Указ. раб. С. 178.
- ¹⁴ *Салмин А. К.* Религиозно-обрядовая система чувашей. Чебоксары, 1993.
- ¹⁵ *Sharpe E.* Study of Religion: Methodological Issues//The Encyclopedia of Religion. N. Y., 1987. V. 14. P. 84.
- ¹⁶ *Арутюнов С. А., Мкртумян Ю. И.* Проблема типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре//Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984. С. 19.
- ¹⁷ *Lewis H. D.* Philosophy of religion.//The Encyclopedia of Philosophy. N. Y., L., 1972. V. 6. P. 284.

The Ethnology of Religion and Folk Ritual

The author attempts to conceptualize certain features of folk ritual in the context of the ethnology of religion. The ritual system is viewed as one of the main attributes of religion, so studies of ritual are considered as a part of the study of religion. The author favors experiential research of ritual „from within“ to better understand its intrinsic logic. The importance of these studies in contemporary situation is underlined.

A. K. Salmin